LA
925

375.
C25.

О НЕОБХОДИМОСТИ
БОГОСЛОВСКИХЪ ФАКУЛЬТЕТОВЪ
въ
УНИВЕРСИТЕТАХЪ
или
О РЕФОРМѢ ВЫСШАГО РЕЛИГІОЗНАГО ОБРАЗОВАНІЯ
въ РОССІИ.

2888

Докладная записка Совѣту Университета Св. Владиміра
Профессора Богословія
Протоіерея **П. Я. Свѣтлова.**

КІЕВЪ.
Типо-литографія Н. А. Гиричъ. Трехсвятительская ул., № 14.
1906.

12к

ПР

Печатано по опредѣленію Совѣта Императорскаго Университета Св. Владиміра.

БИБЛИОТЕКА
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ.
208049

Объ учрежденіи богословскихъ факультетовъ въ русскихъ университетахъ, какъ единственномъ способѣ правильной постановки богословія въ университетахъ, или о необходимости реформы высшаго богословскаго образованія въ Россіи. (По поводу „Проекта общаго устава Императорскихъ россійскихъ университетовъ“ ст. 99, 155 и 106).

Докладная записка Совѣту Университета Св. Владиміра Профессора Богословія Протоіерея *П. Свѣтлова.*

Совѣтамъ университетовъ поручено разсмотрѣніе „Проекта новаго устава россійскихъ университетовъ“ въ видахъ выясненія необходимыхъ въ немъ измѣненій. По этому поводу долгомъ считаю предложить вниманію Совѣта Университета Св. Владиміра свои соображенія о необходимости существенныхъ измѣненій въ проектѣ статей, опредѣляющихъ положеніе каѳедры православнаго богословія въ россійскихъ университетахъ (ст. 155, 99).

Совершенно нежелательнымъ въ автономномъ университетѣ представляется способъ замѣщенія каѳедры богословія путемъ министерскаго назначенія. Но исключеніе изъ общаго правила, сдѣланное въ этомъ случаѣ по отношеніи къ каѳедрѣ богословія, безъ сомнѣнія, вызвано было тѣмъ, что совѣты уни-

верситетовъ не располагаютъ у себя компетентнымъ органомъ для выборовъ профессоровъ богословія за отсутствіемъ богословскихъ факультетовъ въ россійскихъ университетахъ, а потому были-бы принуждены прибѣгать въ выборахъ къ окольнымъ путямъ, не гарантирующимъ правильности выборовъ, въ родѣ постороннихъ отзывовъ и рекомендацій, всегда требующихъ критической провѣрки. Старый способъ замѣщенія каѳедры богословія устава 1884 года, гармонировавшій съ общимъ духомъ этого устава, является брешью въ новомъ автономномъ уставѣ къ ущербу университетской автономіи и, само собою разумѣется, самой каѳедры православнаго богословія. Брешь эта вызывается несовершенствомъ общей организаціи университетскаго преподаванія въ настоящемъ его видѣ, —неполнотою университетскаго преподаванія или отсутствіемъ богословскихъ факультетовъ въ нашихъ университетахъ. Отсюда видно, что нужно сдѣлать для устраненія указанаго ненормальнаго явленія въ автономномъ университетѣ. Впрочемъ, проэктомъ дѣлается нѣкоторое улучшеніе въ положеніи университетскаго богословія, когда ст. 99-я предоставляетъ права профессору богословія состоять членомъ не только совѣта, но принимать участіе и въ собраніяхъ каждаго факультета въ качествѣ члена. Во первыхъ, участіе профессора богословія въ собраніяхъ факультетовъ представляется желательнымъ для болѣе успѣшнаго исполненія профессоромъ богословія обязанности члена совѣта: активное участіе въ дѣлахъ совѣта требуетъ большей освѣдомленности со сторо-

ны профессора богословія о положеніи университета и о студентахъ, чѣмъ какою онъ располагалъ-бы въ качествѣ члена только совѣта. Во вторыхъ, предоставленіемъ права профессору богословія на участіе въ собраніяхъ каждаго факультета, гдѣ у него есть слушатели наравнѣ съ другими профессорами факультета, устраняется непонятная непослѣдовательность въ уставѣ 84-го года по отношенію къ профессору богословія, когда за нимъ однимъ лишь отрицалось право участвовать въ собраніяхъ факультетовъ, хотя богословіе преподается слушателямъ всѣхъ факультетовъ. Практиковавшуюся приписку богословія къ историко-филологическому факультету съ этой точки зрѣнія надо признать нелогичною; но ее приходится признать кромѣ того искусственною: внутренней связи между богословіемъ и историко-филологическимъ факультетомъ не больше и не меньше, чѣмъ съ другими факультетами, напр. особенно—юридическимъ. Наконецъ, опытъ вынуждаетъ признать приписку богословія къ одному историко-филологическому факультету для сношеній съ университетомъ по дѣламъ учебнымъ мѣрою непрактичною: программа богословія нерѣдко, напр., оказывалась въ обозрѣніи преподаванія только историко-филологическаго факультета, или въ росписаніи лекцій другихъ факультетовъ иногда по богословію оказывался пробѣлъ... Все это устраняется признаніемъ за богословіемъ общефакультетскаго значенія.

Тѣмъ не менѣе разсмотрѣнное улучшеніе въ положеніи университетскаго богословія я не нахожу

важнымъ именно для самаго преподаванія богословія въ университетѣ, и въ новомъ проектѣ университетскаго устава коренная ненормальность въ постановкѣ высшаго богословскаго образованія въ университетѣ остается совершенно неустраненною: богословіе остается попрежнему на положеніи внѣ-факультетскаго предмета; для богословія не отводится особаго факультета въ университетѣ; оно опять представляется въ университетѣ одною только богословскою каѳедрою. Очевидно, университетское богословіе въ такомъ положеніи не можетъ ставить себѣ чисто-научныя факультетскія задачи, а чрезъ это оно неизбѣжно теряетъ безспорное для всѣхъ право на мѣсто въ университетѣ и вынуждено его доказывать.

Богословіе университетское въ настоящемъ своемъ положеніи становится открытымъ для возраженій, какую-бы мы ни давали ему постановку. Въ обычной своей постановкѣ богословіе очевидно для всѣхъ теряетъ право на мѣсто въ университетѣ и является внѣшнимъ наростомъ на организмѣ университетскаго образованія, когда оно хочетъ быть органомъ религіозно-нравственнаго воздѣйствія православной церкви на слушателей университета. Кромѣ того, въ такой постановкѣ университетское богословіе перестаетъ быть обязательнымъ въ университетскомъ курсѣ предметомъ послѣ Высочайшаго указа 17 апрѣля 1905 г. о свободѣ совѣсти.

Богословіе имѣетъ громадное научно-образовательное значеніе въ качествѣ одного изъ важныхъ моментовъ общаго научнаго образованія, содѣйствуя въ своихъ границахъ выработкѣ міросозерцанія и до-

вершенію общаго научнаго образованія учащейся молодежи. Но и въ такой научно-образовательной постановкѣ богословіе, къ сожалѣнію, остается все ещ открыто для возраженій со стороны тѣхъ, надъ которыми еще не утратило свою власть отживающее вульгарное представленіе объ университетѣ, какъ учебномъ заведеніи съ чисто профессіональными задачами, не смотря на свое противорѣчіе правильному понятію объ университетѣ и задачѣ университетскаго образованія вообще и всѣмъ лучшимъ традиціямъ русскихъ университетовъ въ частности. Своимъ внѣ-факультетскимъ положеніемъ богословіе обречено на тяжелое и неблагопріятное для него одиночество въ семьѣ университетскихъ наукъ, при которомъ затруднительно становится не только его процвѣтаніе, но и самое существованіе... Самымъ дѣйствительнымъ и единственнымъ способомъ правильной, цѣлесообразной постановки высшаго религіознаго образованія въ университетѣ остается распространеніе и на православное богословіе въ университетахъ ст. 106 проекта новаго устава россійскихъ университетовъ, или учрежденіе въ русскихъ университетахъ православныхъ богословскихъ факультетовъ подобно тому, какъ они существуютъ въ западно-европейскихъ университетахъ и у насъ въ Юрьевскомъ университетѣ.

Вопросъ объ учрежденіи богословскихъ факультетовъ въ университетахъ представляется маленькимъ вопросомъ одной скромной отрасли университетскаго преподаванія, когда дѣло идетъ всего лишь о лучшей постановкѣ богословія въ университетѣ. Но въ дѣй-

ствительности это сложный и большой вопросъ огромной культурной важности: 1) учрежденіе богословскихъ факультетовъ въ русскихъ университетахъ требуется интересами самого *университета,* университетской науки, университетскаго образованія, и слѣд., интересами русскаго просвѣщенія вообще, поскольку университетъ въ Россіи является центромъ всего народнаго образованія и стоитъ во главѣ отечественнаго просвѣщенія; 2) учрежденіе богословскихъ факультетовъ требуется интересами *церкви* и богословской науки; 3) оно требуется, наконецъ, интересами *государства.*

1. Отсутствіе богословскихъ факультетовъ въ русскомъ университетѣ составляетъ отличительную особенность его отъ западно-европейскихъ и американскихъ университетовъ, не къ выгодѣ русскаго университета. Безъ богословскаго факультета, съ пробѣломъ въ важнѣйшей отрасли человѣческаго знанія, каково религіозное, или съ исключеніемъ изъ своего состава цѣлаго круга богословскихъ наукъ, русскій университетъ является несовершеннымъ подобіемъ западнаго своего образца. Незаконченность и неполнота университетскаго образованія является аномаліею въ учебной организаціи университета, вслѣдствіе которой русскій университетъ не можетъ быть названъ университетомъ въ точномъ смыслѣ этого слова, какъ universitas litterarum, какъ совокупность или вмѣстилище всего наличнаго знанія, храмъ наукъ. Такимъ образомъ исключеніе изъ русскаго университета цѣлой отрасли человѣческаго знанія находится

въ явномъ противорѣчіи съ существомъ университета, его идеею, а потому русскій университетъ не можетъ вполнѣ отвѣчать своему назначенію быть разсадникомъ всего высшаго научнаго знанія и служить удовлетворенію общественной потребности въ высшемъ религіозномъ образованіи. Единственно основательнымъ оправданіемъ разсматриваемой аномаліи въ организаціи русскихъ университетовъ было бы отсутствіе въ русскомъ народѣ потребности въ высшемъ религіозномъ образованіи, полное равнодушіе русскаго общества къ религіи. Однако этого нѣтъ. Напротивъ, богословскія науки исключены изъ университетовъ народа, въ жизнь котораго по племеннымъ и историческимъ условіямъ глубоко проникла религія, сдѣлалась основною ея стихіею, шестымъ чувствомъ его души. Даже интеллигенція въ своемъ случайномъ отчужденіи отъ народа и его вѣры полна „христіанскими переживаніями“ и безсознательно направляется христіанскимъ евангельскимъ идеаломъ въ своей общественной дѣятельности и особенно въ художественной литературѣ. Даже и ее захватило у насъ религіозно-этическое или идеалистическое движеніе нашего времени, и спросъ на религіозное знаніе растетъ все болѣе и болѣе. Свидѣтельствую, что потребность въ высшемъ религіозномъ образованіи есть и въ университетской учащейся молодежи. Поэтому нельзя не признать аномаліей, что университетъ въ Россіи не принялъ никакихъ мѣръ къ удовлетворенію потребности въ религіозномъ образованіи въ народѣ, глубоко религіозномъ.

Но существуютъ у насъ духовныя академіи?

Да, но указаніемъ на духовныя академіи нисколько не оправдывается разсматриваемая аномалія въ организаціи русскаго университетскаго образованія, его неполнота и незаконченность. Удовлетвореніе общественной потребности въ научномъ образованіи въ томъ числѣ и богословскомъ, остается прямою обязанностью университета, въ исполненіи которой ему не слѣдуетъ ждать помощи со стороны. Въ организаціи своей университетъ долженъ опредѣляться исключительно внутреннею своею природою, а не случайными и внѣшними для него фактами, какъ существованіе духовныхъ академій и т. п.

Указаніемъ на существованіе въ Россіи православныхъ духовныхъ академій отсутствіе богословскихъ факультетовъ въ университетахъ нисколько не оправдывалось бы даже въ томъ случаѣ, если бы академіи достаточны были для удовлетворенія общественной потребности въ высшемъ религіозномъ образованіи. Но эта потребность не удовлетворяется и даже не можетъ быть удовлетворена существующими у насъ духовными академіями. Духовныхъ академій мало, всего лишь четыре на всю Россію; въ нихъ не хватаетъ мѣста даже для „своихъ“ (т. е. питомцевъ семинарій), а для своего расширенія онѣ не располагаютъ достаточными средствами. Академіи наши представляютъ собою спеціальныя церковныя школы и имѣютъ характеръ замкнутыхъ сословныхъ учебныхъ заведеній. Свѣтскихъ людей академіи наши пугаютъ и отталкиваютъ сухостью, безжизненностью и

схоластичностью преподаванія и богословской науки, а также своеобразностью и кастовою замкнутостью своего общаго строя, общей духовно-академической среды. Нѣтъ основанія ожидать, что положеніе академій скоро и кореннымъ образомъ измѣнится съ реформою духовныхъ академій даже на началѣ самой широкой автономіи. Главная причина безжизненности академическаго преподаванія и схоластичности богословской науки не въ одномъ только недостаткѣ научной свободы, а въ замкнутости духовной среды, ея разобщеніи отъ жизни, въ деспотизмѣ старыхъ традицій и привычекъ мысли, ибо, по сознанію самихъ духовныхъ, „традиціи добраго стараго времени, т. е., отжившіе свой вѣкъ порядки, едва ли гдѣ поддерживаются съ такой ревностію, съ такимъ упорнымъ нежеланіемъ считаться съ требованіями времени и жизни, какъ въ духовномъ вѣдомствѣ, и въ частности—въ духовной школѣ". (*Церковный Вѣстникъ* 1905, № 43, стр, 1346).

Итакъ, существованіемъ духовныхъ академій нисколько не оправдывается неполнота и незаконченность въ организаціи нашего университетскаго образованія.

Аномальный характеръ разсматриваемой особенности нашихъ университетовъ сравнительно съ западными даетъ себя знать явнымъ ущербомъ для университетскаго образованія, его общаго характера и направленія, и для самой университетской науки.

Неполнота и незаконченность въ учебной организаціи университета прежде всего наиболѣе замѣт-

нымъ образомъ отражаются на общемъ характерѣ университетскаго образованія и здѣсь сказываются его неполнотою и односторонностью. Рѣзко проведеннымъ въ нашихъ университетахъ разобщеніемъ интеллигенціи и церкви, религіи и науки неизбѣжно создается одностороннее направленіе въ образованіи, и господство позитивнаго духа, даже съ уклономъ къ матеріализму, есть, къ сожалѣнію, типичная черта университетскаго образованія и русскаго просвѣщенія вообще. Она знаменуетъ собою нѣкоторую духовную и культурную отсталость русскаго университетскаго образованія сравнительно съ западнымъ, гдѣ идеалистическое движеніе нашего времени не встрѣчаетъ себѣ препятствій въ университетской средѣ и даетъ знать себя и среди учащейся университетской молодежи общимъ повышеніемъ ея духовно-нравственнаго уровня, развитіемъ интереса къ вопросамъ религіи и философіи, расширеніемъ ея умственнаго кругозора. Съ открытіемъ богословскихъ факультетовъ и въ нашихъ университетахъ явилась бы возможность противодѣйствія этому одностороннему направленію духовной жизни въ университетской средѣ и обществѣ путемъ широкаго товарищескаго общенія учащихся съ богословами-студентами, взаимнаго живого обмѣна мыслей, посѣщенія лекцій богословскаго факультета и т. д. Здѣсь я говорю о явленіи университетской жизни, давно констатированномъ компетентными въ вопросѣ лицами, и въ данномъ случаѣ, думаю, трудно не присоединиться, напр., къ слѣдующимъ заявленіямъ проф. *К. Д. Кавелина,* глубокаго знатока въ

университетскомъ вопросѣ: „въ какомъ другомъ государствѣ, кромѣ Россіи, можно встрѣтить такое полное совершенное отчужденіе большинства профессоровъ и студентовъ, не отъ вѣры, а отъ церкви и и исповѣданія четырехъ пятыхъ всего народонаселенія, къ которой и они сами принадлежатъ по имени? Вражду къ исповѣданію и церкви, отрицаніе ихъ, я бы понялъ; но совершенное къ нимъ равнодушіе, незнаніе ихъ, какъ будто-бы они вовсе не существовали,—это фактъ безпримѣрный и крайне безобразный, сильно и вредно отзывающійся на всей нашей умственной и нравственной жизни. Здѣсь, какъ мнѣ кажется, скрывается настоящая, глубокая причина того безплодія, которымъ поражена вся наша современная научная, литературная и художественная дѣятельность. Вѣрить или не вѣрить, принадлежать къ церкви или не принадлежать, есть дѣло совѣсти; но когда вѣра и церковь огромнаго большинства народа ни положительно, ни отрицательно не играетъ въ его умственномъ развитіи никакой роли, не имѣетъ никакого значенія, можно безошибочно утверждать, что такое развитіе—противоестественное и непремѣнно безплодное, потому что въ немъ, значитъ, не достаетъ одного изъ важнѣйшихъ составныхъ элементовъ, которыми опредѣляется народная жизнь. При такихъ условіяхъ, ввести церковь въ университеты въ лицѣ богословскихъ факультетовъ я, не обинуясь, считаю дѣломъ первой необходимости. Ежедневныя сношенія, въ однѣхъ и тѣхъ же аудиторіяхъ, ежедневный обмѣнъ мыслей между студентами бого-

словскаго и прочихъ факультетовъ, добровольное слушаніе студентами разныхъ факультетовъ лекцій у отличныхъ профессоровъ богословскихъ наукъ, какъ теперь студенты однихъ факультетовъ добровольно слушаютъ курсы въ другихъ, было-бы, я убѣжденъ, крайне полезно". (Проф. *К. Д. Кавелина*. Собраніе сочиненій. Спб. 1899. Т. III, стр. 85—86.

Безусловно полезно было-бы для самихъ университетскихъ наукъ ихъ сосѣдство съ науками богословскими въ виду многочисленныхъ точекъ соприкосновенія между ними. Эта связь между университетскою наукою и богословіемъ создается универсальнымъ характеромъ христіанской религіи, которая въ качествѣ мірового историческаго явленія величайшей важности проникаетъ собою всѣ сферы человѣческой жизни и является значительнѣйшимъ факторомъ исторіи и культурнаго прогресса.

Безъ знаній религіозныхъ нельзя обойтись въ наукахъ историческихъ и литературно-историческихъ. Философія безъ нихъ невозможна: философія младшая сестра теологіи и, при различіи источниковъ и методовъ, онѣ совпадаютъ по содержанію и задачѣ и рѣшаютъ однѣ и тѣ же проблемы. Къ сожалѣнію въ русскомъ университетѣ плодотворное сочетаніе философіи съ богословіемъ наблюдается въ качествѣ рѣдкихъ явленій (какъ Вл. Соловьевъ, Троицкій, Владиславлевъ, Лопатинъ, кн. С. Трубецкой и др.): для него нѣтъ почвы въ русскомъ университетѣ безъ богословскихъ факультетовъ. Соприкосновеніе съ богословіемъ также не въ видѣ случайныхъ экскурсій

въ область его самою природою или логикою наукъ требуется въ наукахъ общественно-политическихъ юридическаго факультета, какъ государственное право, уголовная политика, политическая экономія и т. д. Необходимость богословскихъ знаній *въ государственномъ правѣ* выступаетъ тамъ, напр., гдѣ устанавливается идея государственнаго суверенитета и возникаетъ кардинальный въ наукѣ и огромный вообще вопросъ объ отношеніяхъ государства и церкви; въ *уголовной политикѣ*—когда въ обоснованіи идеи виновности или уголовной отвѣтственности юристъ исходитъ изъ религіознаго начала, смѣшивая право и мораль, или считается съ теологическими теоріями виновности, обособляя право и мораль. Въ *политической экономіи* подготовка богословская очевидною становится тамъ, гдѣ дается христіанству оцѣнка, какъ экономическому фактору, разъясняется его роль въ исторіи экономическаго развитія народовъ, опредѣляется его отношеніе къ различнымъ соціально-экономическимъ теоріямъ, даже устанавливается взглядъ на сущность и происхожденіе христіанства съ экономической точки зрѣнія и на его исторію. Въ наукахъ физико-математическаго факультета, особенно въ естествознаніи, соприкосновеніе съ богословіемъ становится еще тѣснѣе именно по вопросамъ космологическимъ и антропологическимъ и не рѣдко принимаетъ видъ конфликта вѣры и науки, библіи и естествознанія, особенно тамъ, гдѣ естествознаніе выходитъ изъ границъ своей компетенціи и стремится въ качествѣ философіи природы возвыситься до об-

щихъ философскихъ схемъ и построеній. Даже медицина въ этомъ случаѣ встрѣчается съ богословіемъ, когда беретъ на себя разрѣшеніе философскихъ и религіозныхъ проблемъ о сущности и основаніи психическихъ явленій, о безсмертіи, о происхожденіи жизни и смерти, о свободѣ воли и нравственной отвѣтственности и т. п. Психіатрія и невропатологія особенно выдѣляются наклонностью къ рѣшенію вопросовъ религіи и морали своими собственными средствами, напр. о сущности религіи, о чудесахъ и т. п. Попытки научно-медицинскихъ теорій чуда и объясненій сверхъестественнаго элемента въ христіанской религіи отъ чудесныхъ исцѣленій до воскресенія Христа включительно въ медицинѣ обычное явленіе, особенно—тамъ, гдѣ увлекаются психотерапіею и суггестіонизмомъ. Наконецъ, и среди представителей медицины наблюдается наклонность къ рѣшенію широкихъ общественныхъ и религіозно-философскихъ вопросовъ включительно до разныхъ „опытовъ оптимистической философіи“ и построенія этики и соціологіи на основѣ біологіи, не выходя изъ узкихъ рамокъ спеціальности, безъ всякой религіозно-философской подготовки (Разум. въ частности проф. *И. Мечникова.* Etudes sur la nature humaine. Essai de philosophie optimiste. Paris 1903).

Прискорбное для науки явленіе въ разнообразныхъ случаяхъ ея соприкосновенія съ религіею и богословіемъ я долженъ назвать собственнымъ его именемъ диллетантизма вмѣстѣ съ другими наблюдателями. Благопріятною почвою для развитія этого зла

въ русской наукѣ служитъ рѣзкое обособленіе ея отъ религіи. Злу этому можетъ и долженъ быть положенъ конецъ введеніемъ богословскихъ факультетовъ въ университеты. Тогда само собою установится посѣщеніе лекцій богословскаго факультета студентами другихъ факультетовъ и богословіе можетъ читаться, напр., для юристовъ, какъ читается для нихъ нынѣ судебная медицина или для медиковъ физика. Учрежденіе богословскихъ факультетовъ, короче говоря, является насущною потребностью университетскаго образованія и науки. Вотъ выводъ изъ всего, сказаннаго выше.

2. Введенію богословскихъ факультетовъ и пріуроченію къ нимъ высшаго богословскаго образованія въ Россіи не будетъ, не должна противиться и церковь. Болѣе того, оно и здѣсь является насущною потребностью, удовлетвореніемъ которой нельзя болѣе медлить.

Величайшее бѣдствіе нашей православной церкви, отъ котораго ей необходимо избавиться, это— раздѣленіе церкви и интеллигенціи, разобщеніе духовенства и паствы. Бѣдствіе это не можетъ быть устранено осуществленіемъ одной только церковной реформы путемъ проведенія въ церковную жизнь принципа соборности и установленіемъ совмѣстной работы мірянъ и духовенства въ обновленіи церкви, участіемъ ихъ вмѣстѣ съ духовенствомъ въ помѣстныхъ соборахъ и т. д. Единеніе истинное достигается не внѣшнимъ и механическимъ соприкосновеніемъ духовенства и паствы, а единствомъ духовнаго развитія, единствомъ

СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМІИ.

образованія. Единство образованія можетъ быть осуществлено только коренною реформою духовнаго образованія, при которой оно утратило-бы свой кастовый характеръ. Необходима единая средняя школа и упраздненіе сословной духовной школы, неудовлетворяющей даже своему спеціальному назначенію служить воспитанію пастырства. Духовныя семинаріи должны быть превращены въ общеобразовательныя школы путемъ сліянія ихъ программъ съ гимназическими, съ выдѣленіемъ двухъ послѣднихъ богословскихъ классовъ для имѣющихъ склонность къ пастырству и интересъ къ богословскому образованію. Тогда откроется изъ семинарій свободный выходъ въ университеты для всѣхъ, не чувствующихъ пастырскаго призванія, а переходные къ пастырскому званію и высшему богословскому образованію богословскіе классы духовныхъ гимназій будутъ открыты для всѣхъ желающихъ безъ различія сословій. Учрежденіе богословскихъ факультетовъ въ университетахъ является логическимъ завершеніемъ реформы духовнаго образованія въ этомъ направленіи, безусловною необходимостью. Съ открытіемъ свободнаго выхода изъ семинарій свѣтскія науки (историко-филологическія) духовныхъ академій, которыя никогда не могли и не могутъ быть поставлены въ академіяхъ въ одинъ уровень съ университетами, теряютъ свое raison d'être, академіи превращаются въ школы спеціально-богословскихъ высшихъ знаній и тѣмъ самымъ естественно дѣлаются богословскими факультетами и сливаются съ университетомъ. Реформа религіознаго („духовнаго“)

образованія въ такомъ направленіи намѣчается въ настоящее время почти общимъ голосомъ духовенства и даже оффиціальнымъ проектомъ ея. Высказываются настойчивые голоса въ духовенствѣ за учрежденіе богословскихъ факультетовъ въ университетахъ. Недостатки современнаго богословскаго образованія и необходимость коренного переустройства духовной школы здѣсь сознаны ясно и безповоротно.

„Все наше богословское образованіе разорвало связь съ жизнью, не отвѣчаетъ дѣйствительнымъ нуждамъ и практическимъ пастырскимъ цѣлямъ, наша духовная литература, начиная съ академической, нимало не старается о томъ, чтобы служить жизни... Бѣдность нашей духовной журналистики въ вопросахъ жизненныхъ прямо поразительная“... (*Церковный Вѣстникъ* 1905, № 38, стр. 1194—1195). Вотъ признаніе самого духовенства! Оно видитъ ясно и причины зла „въ тѣхъ условіяхъ, которыя создали изъ школы сословно-замкнутое учрежденіе, а изъ богословской науки — неподвижнаго стража преданія“ (*Церк. Вѣстн.* 1905, № 38, с. 1192),—въ сословности религіознаго образованія, въ „изолированномъ, одиночномъ положеніи“ представителей богословской науки, „отчужденности ихъ жизни и науки отъ народа и общества“ (*Православное Обозрѣніе* 1862, II, № 5, стр. 53, ср. *Церк. Вѣстн.* 1905, № 27, стр. 836—842). Единственнымъ дѣйствительнымъ исцѣленіемъ отъ этого зла можетъ быть только введеніе богословскихъ факультетовъ въ университетахъ. Съ учрежденіемъ богословскихъ факультетовъ въ университетахъ высшее

религіозное образованіе перестаетъ быть привиллегіею одного сословія, дѣлается общимъ достояніемъ всѣхъ христіанъ безъ различія сословій, духовенства и мірянъ, теряетъ узкій кастовый характеръ, столь противный всеобъемлющему духу христіанской религіи; кастовому устройству духовенства къ великому благу церкви и родины наносится рѣшительный смертельный ударъ. Богословская наука въ новыхъ условіяхъ университетской жизни встаетъ отъ своего многовѣкового паралича и спячки и поднимается на высоту, которая для нея была невозможна при убогихъ матеріальныхъ средствахъ академій, заживо погребенныхъ въ монастырскихъ стѣнахъ подъ спудомъ „преданій старцевъ“ и многовѣковой сословной и школьной рутины. Если для университетской науки желательно сосѣдство съ науками богословскими въ лицѣ богословскихъ факультетовъ, то оно столь же необходимо и для богословія вслѣдствіе того, что „свѣтскія“ науки „имѣютъ громадное значеніе, какъ вспомогательныя средства для изученія богословія (*Церковн. Вѣстникъ* 1905, № 40, стр. 1253, ср. № 44, стр. 1384). Въ этомъ отношеніи общее юридическое образованіе, напр., необходимо для каноническаго права, знакомство съ восточными языками для церковной исторіи, классическо-филологическое образованіе для экзегетики, изученіе естествознанія для апологетики и т. п. Наша богословская наука страдаетъ отъ разобщенія съ университескою наукою и духовныя академіи всегда сознавали вредъ его и изыскивали способы къ выходу изъ того неудобнаго положенія, которое создано

разобщеніемъ богословія съ наукою или университетомъ. Особенно ощутительно и невыносимо оно для апологетики и философіи. „Направленіе естественно научной мысли нашего времени прямо вызываетъ потребность въ болѣе близкомъ ознакомленіи (богослововъ) съ областью естествознанія",—такъ, чтобы „богословіе и естествознаніе соприкасались другъ съ другомъ не случайнымъ знакомствомъ". (*Христ. Чтеніе* 1905, № 10 прот. стр. 317, 318, ср. ibid 282—283). Съ цѣлью парализовать вредъ для апологетики отъ разобщенія академій съ университетами изъ моск. духовной академіи устроивалась командировка студентовъ академіи за границу и въ русскіе университеты, учреждена была при ней каѳедра „естественно-научной апологетики", и въ послѣднее время проектировалась каѳедра „энциклопедіи естествознанія". Но это значило-бы все-таки въ концѣ концовъ ограничиваться палліативами въ устраненіи зла и довольствоваться суррогатами университетской науки (см. *Богословскій Вѣстникъ* 1905, № 6, проток. засѣд. Совѣта Моск. дух. акад. стр. 283, 296, 285—286, 289, 290 и 295, вообще 282—292; ср. *Бог. Вѣстникъ* 1904, № 1 о пользѣ для богословія изученія естествознанія въ ст. проф. С. Глаголева о Д. Ѳ. Голубинскомъ; ср. *Вѣстникъ Европы* 1903, № 5, ст. *Резанова* „О нашихъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ"...). Самый естественный путь положить конецъ злу заключается въ сліяніи духовныхъ академій съ университетами въ качествѣ ихъ богословскихъ факультетовъ. Внѣ его нѣтъ лучшихъ путей къ оживленно

богословской науки, къ разширенію и усиленію религіознаго просвѣщенія въ Россіи и къ уничтоженію бездны между интеллигенціею и духовенствомъ, вырытою кастовымъ образованіемъ духовенства, его кастовою богословскою наукою. Немедленное учрежденіе богословскихъ факультетовъ въ русскихъ университетахъ въ виду всего этого есть крайняя необходимость для русской православной церкви, настоятельная и неотложная задача времени.

3. Скорѣйшее осуществленіе необходимой для университета, русскаго просвѣщенія и церкви, реформы высщаго религіознаго образованія путемъ превращенія духовныхъ академій въ богословскіе факультеты университетовъ есть настоятельная потребность и для государства.

Государства сильны внутреннимъ единствомъ составныхъ своихъ частей и ослабляются классовыми, сословными, племенными и иными раздѣленіями гражданъ. Кастовое положеніе духовенства въ Россіи и его культурная обособленность въ обществѣ становятся нежелательнымъ явленіемъ не только съ церковной, но и съ этой *государственной* точки зрѣнія. Это великое бѣдствіе не только для самого духовенства и церкви, но и для всего русскаго государства. Вооруженное величайшею въ мірѣ силою имени Божія и Христова, духовенство можетъ быть великою общественною силою или *отрицательною*, или *положительною*. Въ состояніи кастовой обособленности и культурной разобщенности съ жизнью и обществомъ, съ „міромъ“, духовенство дѣлается болѣе отрицатель-

ною, чѣмъ положительною силою, и въ концѣ концовъ можетъ явиться тѣмъ, что называется палкою въ колесѣ культурнаго прогресса. Къ сожалѣнію, наглядное подтвержденіе этой печальной истины дано было нынѣ русскому обществу положеніемъ, какое заняло духовенство въ значительномъ своемъ составѣ къ освободительному движенію въ Россіи. Какою тиною рутины и отсталости нужно порости, что бы не чувствовать нужды ни въ какомъ обновленіи жизни, ни въ какихъ реформахъ, даже—въ церковной реформѣ! А мы наблюдаемъ и такую безчувственность!.. Нѣтъ, необходимо принять и государству мѣры къ уничтоженію кастового строя духовенства и церкви въ Россіи! А короткій и вѣрный путь къ этому есть учрежденіе общей духовной школы въ Россіи и богословскихъ факультетовъ въ университетахъ.

Учрежденіемъ богословскихъ факультетовъ въ университетахъ будетъ положено твердое начало усиленію и расширенію религіознаго просвѣщенія въ Россіи. Въ этомъ дѣлѣ заинтересовано должно быть и государство, а не одна только церковь. Усиленіе и расширеніе религіознаго просвѣщенія въ Россіи составляетъ насущную государственную потребность даннаго момента. Въ настоящее время религіозное образованіе въ Россіи пріобрѣтаетъ общественно-политическое значеніе и дѣлается долгомъ гражданскимъ, когда русскій народъ сверху донизу призывается къ дружной общественной работѣ и обновленію Россіи, всего ея церковно-гражданскаго строя, къ отвѣтственному рѣшенію вопросовъ не только общественно-по-

литическихъ, но и церковно-религіозныхъ въ Государственной Думѣ и на Церковномъ Соборѣ. Не духовенству и богословамъ только, а всѣмъ гражданамъ русскимъ придется принимать активное участіе въ разрѣшеніи церковно-общественныхъ вопросовъ неизмѣримой важности, какъ вопросъ о свободѣ совѣсти, объ отношеніи государства и церкви, объ участіи духовенства въ политической дѣятельности, о разводѣ, о церковномъ судѣ, объ юридическихъ и политическихъ правахъ церковныхъ приходовъ и т. д. Такихъ вопросовъ много поставлено жизнью передъ общественными дѣятелями и ихъ будетъ всегда много въ Россіи, гдѣ по историческимъ условіямъ православная христіанская вѣра проникаетъ собою всю жизнь русскаго народа, опредѣляетъ ее во всѣхъ подробностяхъ его быта семейнаго, общественнаго, его права и законодательства, всего строя государственной жизни (въ силу уже основныхъ законовъ имперіи). Всѣ подобные вопросы требуютъ отъ гражданъ необходимой освѣдомленности въ области церковно-религіозной, даваемой религіознымъ образованіемъ. Необходимо выступать здѣсь во всеоружіи знаній, среди которыхъ теперь требуются уже и знанія религіозно-богословскія (изъ догматики, этики христіанской, исторіи церкви, церковнаго законовѣдѣнія и т. д.). Это необходимо въ интересахъ плодотворной и разумной общественно-политической дѣятельности, независимости и твердости въ ней. Стоитъ-ли русское образованное общество на высотѣ своей отвѣтственной задачи, поставленной передъ нимъ кореннымъ обновленіемъ

Россіи? Нѣтъ-ли въ его образованіи пагубнаго здѣсь пробѣла? Дѣйствительность даетъ на это утвердительный отвѣтъ: съ пробѣломъ въ области религіозно-богословскихъ и церковныхъ вопросовъ, по недостаточности своего религіознаго образованія, общество наше недостаточно подготовлено къ предстоящей ему общественно-политической роли. Слѣдуетъ спѣшить съ заполненіемъ этого пробѣла въ образованіи усиленіемъ и разширеніемъ религіознаго просвѣщенія въ Россіи. Не къ ослабленію и умаленію, а къ усиленію и расширенію религіознаго образованія призываетъ насъ время.

Открытіе богословскихъ факультетовъ въ университетахъ есть настоятельная общественно-политическая нужда времени; оно необходимо русскому государству.

Въ дѣлѣ такой громадной важности, какъ открытіе богословскихъ факультетовъ въ университетахъ, конечно, возможны препятствія къ практическому его осуществленію и разнаго рода возраженія, иногда принципіальнаго характера. Какъ показываетъ исторія вопроса, возникавшаго у насъ съ особою силою въ 60-хъ годахъ, возраженія противъ богословскихъ факультетовъ могутъ идти здѣсь то отъ церкви, то со стороны самого университета. По справедливому замѣчанію проф. К. Кавелина, церковь боится вліянія университета на богословіе, а университетъ боится вліянія духовенства („церкви“). Справедливо также многое, что онъ говоритъ здѣсь о неосновательности взаимнаго недовѣрія и антогонизма, въ

сущности основанныхъ на прискорбныхъ недоразумѣніяхъ (*Собр. соч—ій* т. III, стр. 85, 87—89).

Со стороны церкви (вѣрнѣе—духовенства) затрудненія къ открытію богословскихъ факультетовъ въ университетахъ и сліянію съ ними духовныхъ академій со всею силою и полнотою формулированы были въ 60-хъ годахъ въ органѣ Петерб. Духовн. Академіи (по поводу одного проекта нѣкотораго подобія богословскаго факультета въ университетахъ: см. *Правосл. Обозрѣніе* 1865, кн. 10 ст. „О лучшемъ устройствѣ каѳедръ богословія въ нашихъ университетахъ"). Нѣкоторыя изъ возраженій съ церковной стороны, высказанныхъ здѣсь, для нашего времени уже устарѣли и получили отвѣтъ отъ самой жизни, но другія возможны, вѣроятно, и теперь. Говорилось, между прочимъ, что знаніе богословія для университетскихъ факультетскихъ наукъ ненужно, „не исключая философіи"; что „для званій свѣтскихъ и службы гражданской спеціалисты по богословію не нужны" (на то и другое соображеніе даны мною отвѣты здѣсь). „Университеты не доросли до открытія въ нихъ богословскихъ факультетовъ", какъ не „созрѣло еще для нихъ и общество, чтобы изъ среды своей выдѣлять свѣжія силы для духовнаго образовія въ университетахъ и столько же качествомъ своихъ питомцевъ, сколько и количествомъ ихъ поддерживать богословскій факультетъ на степени силы и дѣйствія, соотвѣтственной нуждамъ церкви", „идеямъ и потребностямъ духовнаго просвѣщенія"... Для богословскаго факультета „нѣтъ соотвѣтственной почвы и обстановки" въ университетахъ, нѣтъ тамъ

„достаточно засѣянной и твердой почвы для развитія богословія въ размѣрахъ факультетскихъ“, нѣтъ достаточной богословской подготовки въ слушателяхъ изъ гимназій. Университетская среда не только не благопріятствуетъ процвѣтанію богословія, но и прямо опасна для него и для церкви: „общій характеръ и духъ университетскаго ученія будетъ проникать и въ богословіе, парализовать его нравственную силу и давать въ немъ мірскому направленію перевѣсъ надъ духовнымъ“... (*Христіанское чтеніе* 1866, т. I, стр. 159—160, 161, 173—174, 175, 176, 178, 181 изъ статьи: „О преподаваніи богословія въ нашихъ университетахъ“). Многое въ этихъ возраженіяхъ со стороны церковной устарѣло для нашего времени, но боязнь за церковь и вѣру, всегда питавшуюся неправильнымъ дуалистическимъ противоположеніемъ міра и церкви, культуры и христіанства, трудно выразить сильнѣе, чѣмъ она здѣсь выражена. Университетъ представляется здѣсь каменистой и тернистой почвой для богословія, а академія—черноземомъ. Но что выросло на черноземѣ духовной школы къ 1905 году? Разгромъ семинарій одной за другой въ теченіи трехъ лѣтъ и при томъ въ такихъ ужасныхъ формахъ, какъ минскій; паническое, вольное и невольное, бѣгство воспитанниковъ изъ семинарій; закрытіе изъ 58 сорока трехъ семинарій и всѣхъ четырехъ духовныхъ академій, въ концѣ концовъ—полное банкротство духовнаго образованія, опустѣніе духовной школы! Такимъ образомъ въ реальной дѣйствительности, въ самой жизни, намъ не дано никакихъ основаній къ

монашеско - дуалистическимъ противопоставленіямъ школъ духовнаго и свѣтскаго типа, духовенства и свѣтскаго общества. Пусть, наконецъ, почва въ „мірѣ“— какъ и всегда это было—камениста; но такою почвою былъ и весь „родъ человѣческій, лукавый и грѣшный“, но это не помѣшало явиться среди него Божественному Сѣятелю истины, и Свѣту Божественнаго Слова засвѣтиться среди глубокой тьмы грѣха и невѣрія! „*И тьма Его не объятъ*“..

Страшный призракъ „клерикализма“ за богословскими факультетами видѣлся другой сторонѣ. Опасеніе не основательное особенно въ настоящее время. Если даже въ самихъ духовныхъ академіяхъ въ настоящее время наблюдается усиленное „стремленіе къ освобожденію отъ іерархическаго контроля“, къ полной автономіи (*Церковный Вѣстникъ* 1905, № 44, стр. 1383), то тѣмъ большее уваженіе и признаніе своихъ правъ найдетъ автономія университета, которой ничто не можетъ грозить съ этой стороны. Спрашиваютъ здѣсь: гдѣ взять преподавателей для богословскихъ факультетовъ? въ какое отношеніе станутъ послѣдніе къ церковной власти? какъ они будутъ организованы? и т. п. Все это вопросы не столько принципіальнаго, сколько практическаго значенія, если за ними не скрывается страха предъ призракомъ клерикализма или боязнь, какъ бы богословскій факультетъ въ университетѣ съ чуждымъ университету преподавательскимъ кадромъ и т. п. не явился чѣмъ либо въ родѣ посторонняго тѣла въ организмѣ университетскомъ. Мы не должны предрѣшать этихъ и

подобныхъ вопросовъ жизни, рѣшаемыхъ самою жизнью, будущимъ, но вѣроятныя и возможныя въ началѣ всякаго новаго дѣла затрудненія и препятствія съ теченіемъ времени естественно будутъ уменьшаться,—и университетъ русскій доживетъ до того времени, когда будетъ имѣть свою университетскую богословскую науку, своихъ историковъ церкви и канонистовъ, своихъ богослововъ, и органически ассимилировавшійся съ нимъ богословскій факультетъ. Все вѣдь это только вопросъ времени. Необходимо лишь поскорѣе озаботиться изготовленіемъ, такъ сказать, закваски или разсадника будущаго университетскаго богословія путемъ учрежденія богословскихъ факультетовъ покрайней мѣрѣ въ столицахъ и въ крупнѣйшихъ культурныхъ центрахъ, какъ Кіевъ и Одесса. Остальные вопросы рѣшитъ жизнь.

Затрудненія всегда неизбѣжны въ великихъ дѣлахъ; но ихъ преодолѣваютъ ради будущихъ благъ. Блага отъ учрежденія богословскихъ факультетовъ въ россійскихъ университетахъ неизмѣримы, и я лишь въ малыхъ размѣрахъ могъ очертить плодотворныя послѣдствія его для университетовъ, русской жизни и просвѣщенія, для церкви и богословской науки, для государства и общества. Открытіе богословскихъ факультетовъ въ университетахъ должно быть предметомъ горячихъ желаній всѣхъ истинно просвѣщенныхъ и преданныхъ родинѣ гражданъ. Въ сознаніи великихъ культурно-общественныхъ благъ для Россіи отъ коренной реформы высшаго религіознаго образованія въ Россіи путемъ открытія въ универси-

тетахъ богословскихъ факультетовъ и я нынѣ обрѣтаю смѣлость просить Совѣтъ ИМПЕРАТОРСКАГО университета Св. Владиміра ходатайствовать передъ кѣмъ слѣдуетъ о томъ, чтобы возбужденъ былъ вопросъ объ учрежденіи православныхъ богословскихъ факультетовъ въ университетахъ и дѣлу о семъ дано было надлежащее движеніе. 7 Декабря 1905 года.

Профессоръ по каѳедрѣ Богословія. Докторъ Богословія, Прот. П. Свѣтловъ.

Примѣчаніе. Чтенію и обсужденію докладной записки было посвящено засѣданіе Совѣта Университета Св. Владиміра 16 Декабря 1905 года. Послѣ продолжительныхъ и оживленныхъ дебатовъ учрежденіе богословскихъ факультетовъ въ русскихъ университетахъ было признано желательнымъ и своевременнымъ и Совѣтъ Университета Св. Владиміра постановилъ возбудить по сему дѣлу ходатайство и дать ему надлежащее движеніе. 18 Декабря 1905 года.

